

Луна на воде

САМАНТА
СОТТО ЯМБАО

Лиса и дракон. Хиты ориентального фэнтези

Саманта Сотто Ямбао

Луна на воде

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-312.9(599)

ББК 84(5Фил)-44

Сотто Ямбао С.

Луна на воде / С. Сотто Ямбао — «Эксмо», 2025 — (Лиса и дракон. Хиты ориентального фэнтези)

ISBN 978-5-04-247092-9

«Цветок в зеркале, луна на воде». Именно так говорят о чем-то видимом, что при этом нельзя потрогать. О чем-то важном, что нельзя выразить словами. На одной из улочек Токио притаился уютный ресторанчик, в котором избранным дано увидеть магический ломбард. Сюда приходят отчаявшиеся, желающие изменить свою жизнь. Сделать это просто: нужно всего лишь заложить... выбор. Событие из прошлого, которое изменило судьбу. Хана, перенявшая семейное дело, в первый же рабочий день обнаруживает, что ломбард разгромлен, а отец пропал. Совсем скоро приверженцы судьбы, Шиикунин, придут за заложенными выборами, но одного не хватает! Да к тому же на пороге появляется очередной клиент! Только очаровательный незнакомец непохож на других посетителей: он предлагает помощь, а не просит о ней. Вместе им предстоит совершить путешествие по волшебному миру: пройти по дождевым лужам, прокатиться на бумажных журавликах, пересечь мост между полночью и утром и найти ночной рынок в облаках... Но сможет ли Хана найти потерянное? Ведь все, что у нее есть, — два дня, отсутствие зацепок... и теплота, которой она ранее не знала. Бестселлер с первых дней продаж и выбор редакции Amazon! Чарующая история с элементами хилинга в декорациях современной Японии. Волшебный сюжет, атмосферой напоминающий мультфильмы студии Ghibli и романы Эрин Моргенштерн. Красивейшее оформление от художниц reachy и DAFNA.

УДК 821.111-312.9(599)

ББК 84(5Фил)-44

ISBN 978-5-04-247092-9

© Сото Ямбао С., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Часть Первая	7
Глава Один. Ломбард «почти» и «если»	8
Глава Два. Последний клиент Исикавы Тошио	11
Глава Три. Плата за автобусный билет	16
Глава Четыре. Саке и молчание	21
Глава Пять. Хранилище	24
Глава Шесть. Выбор Такеды Изуми	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Саманта Ямбао

Луна на воде

Samantha Sotto Yambao
Water Moon

© 2025 by Marina Samantha Sotto Yambao. All rights reserved

© Юркан М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Для всех, кто ищет новое начало

Часть Первая

*Раз сорвавшийся с ветки цветок не вернется на ветку.
Треснувшее зеркало не засияет вновь.¹*

#

¹ Идиоматическое выражение, обозначающее «по пролитому молоку не плачут», «что сделано, то сделано».

Глава Один. Ломбард «почти» и «если»

Время не имеет границ, кроме тех, что создают люди. В этот на редкость холодный осенний день Исикава Хана создала такую границу из тончайшего слоя кожи. Для этого вполне подошли веки. Ведь пока она держала свои веки закрытыми, то могла удерживать в разных временах две половины своей жизни: двадцать один год, прожитый ею до того, как она откроет глаза, и все, что должно произойти дальше.

Она натянула одеяло на голову и притворилась, что ее первое похмельное утро в качестве новой владелицы ломбарда еще не началось. Не имело значения, что она уже бодрствовала и последние, уже забытые обрывки снов улетучились из ее сознания более часа назад. Она чувствовала, что ее голова тяжелее и рот суше обычного, но поняла, что виновато в этом не столько количество выпитого вечером алкоголя, сколько то, что ожидало ее сегодня.

Через несколько мгновений ее отец Тошио постучит в ее дверь, и их новый день начнется.

Хана упорно цеплялась за крошечную надежду, что неразумное количество sake, с которым они отпраздновали его выход на пенсию, могло удержать его в постели немного дольше. Эта надежда, если ее вообще можно назвать надеждой с учетом размера, была меньше гальки из заболоченного ручья и такой же скользкой.

За все годы работы Тошио ломбард не открылся вовремя всего два раза. В те дни он не открылся вовсе. Но Хана с отцом не говорили о тех двух днях. Никогда.

Если бы их ломбард не отличался от обычных ломбардов, где принимали бриллианты, серебро и золото, то семья Исикава, на протяжении многих поколений управлявшая им, могла бы позволить себе роскошь больничных и выходных дней. Но Тошио научил Хану ценить гораздо более драгоценные сокровища.

Они обретали своих лучших клиентов в конце лета, когда ночи становились холоднее и длиннее. Меланхолия способствовала их бизнесу. Не имело значения, что их скромное заведение на тихой токийской улочке квартала Асакуса² даже не имело названия. Те, кто нуждался в их услугах, неизменно умудрялись найти их. Но если у кого-то из клиентов хватало любопытства, чтобы спросить Хану, как, по ее мнению, мог бы называться их ломбард, то над ответом она не задумывалась. Икигаи³.

Хане было чуть больше года, когда она научилась ходить по темным деревянным полам ломбарда, и с тех пор каждый сделанный шаг вел ее к тому дню, когда она унаследует от ушедшего на покой отца их заведение. Он жил вдовцом, и она была его единственной наследницей. Ломбард стал ее жизненной стезей, единственной в жизни целью. Ее Икигаи. Но ни разу за все то время, что она малышкой ползала у ног отца или девушкой помогала ему в зале, никто из клиентов не поинтересовался, как называется их ломбард. Когда Тошио встречал клиентов у входа вежливым поклоном, в глубине их глаз металась более насущные вопросы. Перво-наперво они обычно спрашивали, где они оказались, а потом – как они сюда попали.

В конце концов никто не ожидал обнаружить ломбард за дверью лапшичной.

Любой, кто стоял в очереди в этот издавна популярный ресторан, скажет вам, что там подают лучший сёю-рамен⁴ во всей префектуре Тайто⁵. Для кого-то струящийся аромат дымя-

² Квартал Асакуса расположен на северо-восточной окраине центральной части Токио, в так называемом нижнем городе.

³ Икигаи (яп. ####, «смысл жизни») – японское понятие, означающее ощущение собственного предназначения в жизни; икигаи может представлять собой хобби, профессию или семью. Икигаи – философия, помогающая находить удовлетворение, радость и осознанность во всех повседневных делах и способствующая долголетию. Благодаря икигаи человек учится приводить в порядок мысли, замечать красоту окружающего мира и радоваться мелочам, обретая гармонию и душевный покой.

⁴ Сёю-рамен (Shoyu Ramen) – вид японского рамена, в основе бульона и заправки которого соевый соус.

⁵ Тайто – один из двадцати трех специальных районов Токио, расположенный на северо-западе.

щихся тарелок с лапшой тидзирэмэн⁶ и идеально тушенными ломтиками свинины, плавающими в темном и наваристом костном бульоне, облегчал ожидание. Для других время, проведенное в очереди, тянулось будто бы вдвое дольше. Тем не менее все они глубоко вдыхали, наполняясь предвкушением от витающего в воздухе аромата, пока не придет их очередь войти в тесный зал ресторана, который мог бы считаться современным пару десятилетий назад. Пожелтевшие стены, увешанные фотографиями знаменитых клиентов с автографами, побуждали новых посетителей прокладывать путь в лабиринте столиков, выискивая пустые места. Однако, даже переступив порог, часть голодающих не попадала в зал ресторана. Вместо этого их приветствовали тускло освещенный зал ломбарда и позвякивание его медного дверного колокольчика.

Воспоминание о звякающем колокольчике как раз зазвучало в голове Ханы, еще уютно свернувшейся под одеялом. Звон призывал ее подняться и смириться с неизбежным. Зажав ладонями уши, Хана тщетно пыталась заглушить этот звук в голове, надеясь оттянуть время подъема. Мысленно она уже почти оделась и застегивала последние пуговицы на своей чистой отглаженной черной униформе. А отчасти мысленно она уже даже спустилась на первый этаж и вошла в зал, представляя, как ее отец собирается провести первый день своей пенсии: как он топчется около дочери, дважды проверяя все, что она делает.

Он ничего не скажет, если заметит ее оплошность, как не говорил никогда. Ей хватало легчайшего поднятия его правой брови. Тошио предпочитал общаться с ней мимикой, а не словами, сберегая силы и голосовые связки для клиентов. Хана уже вполне освоила толкования его спокойного дыхания, полуулыбок и взглядов. Лишь однажды в грозовой день он потерял самообладание, когда она в свои десять лет забыла, куда положила заложенные старинные часы. Его глаза стали темнее туч, клубившихся над внутренним садиком их дома, когда он обхватил ее узкие плечи и приблизил губы к уху. Ее душа тогда от страха ушла в пятки. Его голос напоминал шелест ветра, но слова взвыли внутри Ханы громче, чем любой тайфун.

«Найди их».

«Сейчас же!»

Хана не представляла, что могло бы случиться, если бы она не нашла их позже в тот же день за стопкой книг в задней комнате. Она четко осознала лишь одно: ей хочется никогда больше не слышать такого шепота от отца.

Судорожно вздохнув, Хана мысленно вернулась в реальность. Незримая тяжесть навалилась на ее грудь. Она ожидала, что ее будущее будет ощущаться тяжелым, по крайней мере, тяжелее откормленного кота. Но вместо этого гора дней, покачивающихся на ее груди, ощущалась грудой ореховых скорлупок, каждая из которых была опустошена и растрачена еще до своего начала. Хана досконально знала каждую секунду этих грядущих дней, ведь всю свою жизнь она наблюдала, как их проживает ее отец. А теперь жизнь отца стала ее жизнью, и отныне ничего нового у нее не будет.

Она повернулась на бок. Из-под подушки выглянул краешек пожелтевшей фотографии. Хана вытащила потускневший снимок и, не вылезая из-под одеяла, пристально взглянула на него. С фотографии на нее смотрели глаза молодой женщины, которая вполне могла быть ее двойняшкой.

– Доброе утро, Окаа-сан, – приветствовала Хана мать, которую никогда не знала, и спрятала фото обратно.

Откинув одеяло, она глянула сквозь темные ресницы. Лучик солнца пробился к ее радужкам. Зажмурившись, она вскочила с кровати. Ей не требовалось зрение, чтобы ориентиро-

⁶ Тидзирэмэн – рамен с «волнистой, кудрявой или вьющейся» лапшой. Часть тидзирэ от глагола «тидзирэру» – «витьеся, завиваться». Говорят, что благодаря «завивке» в ней лучше удерживается бульон.

ваться в своей спальне: эта комната и ломбард под ней составляли весь ее мир, и сегодня этот мир казался даже меньше.

И тише.

Хана склонила голову набок, пытаясь услышать знакомый перестук чашек и мисок из кухни внизу, но через дверь ее спальни просачивалась лишь тишина. Она прикусила нижнюю губу.

Она не сомневалась, что выхода на пенсию недостаточно, чтобы удержать такого человека, как Тошио, от его ежедневных ритуалов. Хотя отец поклонялся домашним духам, держа в порядке алтарь, истинным богом, коего почитал отец, оставался порядок. Сколько бы sake или виски ни плескалось в нем после вечерних возлияний, утренняя чашка горячего и ароматного зеленого чая оставалась священным ритуалом.

Хана прижала ухо к двери. Было только две возможных причины тишины в ломбарде, и ни одна из них не сулила ничего хорошего.

Глава Два. Последний клиент Исикавы Тошио

Днем раньше

Осень наступила рано, и с ее наступлением число клиентов ломбарда удвоилось.

Тошио поменял позу, облегчив давление своего веса на бурситную шишку большого пальца левой ноги. Его живот проурчал дважды в недрах форменного черного костюма. Не обращая внимания на урчание, Тошио спокойно поправил галстук. Не первый день работа не позволяла ему пообедать, но сегодня это происходит в последний раз. Меньше чем через час, когда они закроют свою лавку, он официально объявит об уходе на пенсию и никогда больше не станет пропускать обед. Он полагал, что эта мысль вызовет у него улыбку, но уголки его рта отказывались хоть чуть-чуть приподняться. Звякнул медный колокольчик, возвестив о появлении последнего клиента.

– Irasshaimase⁷, – поклонившись с заученной улыбкой, произнес Тошио мягким, как теплое sake, голосом.

Хана выглянула из подсобки, зажав под мышкой журнал учета этого месяца. Тошио жестом велел ей уйти обратно, сразу переключив внимание на элегантную даму, только что вошедшую в их дверь.

– Чем я могу помочь вам?

Женщина встретила улыбку Тошио озадаченным взглядом. Изящные черты лица позволяли ей выглядеть моложе Тошио, однако в ее волосах, стянутых на затылке в свободный узел, появились пряди, соперничающие белизной с ниткой речного жемчуга на ее шее.

– Извините. Возможно, я ошиблась. Подумала, что очередь за дверью стоит в лапшичную.

– Так и есть, – ответил Тошио.

– Разве это ресторан? – уточнила дама, окинув взглядом помещение.

– Нет. Здесь находится мой ломбард.

– А ресторан на втором этаже?

– Нет, – покачал головой Тошио.

Морщина озадаченности прорезала красивый высокий женский лоб.

– Должно быть, вы устали, простояв в очереди так долго. Может, желаете немного отдохнуть? – Тошио указал на низкий столик в углу зала, окруженный набором шелковых напольных подушек.

– Я... я могла бы поклясться, что здесь ресторан. – Дама склонила голову, задумчиво коснувшись своих тонких губ. – Я же видела, как мужчина, стоявший в очереди передо мной, проходил в эту дверь. И заметила за ней столики со стульями, и... – Она еще немного склонила голову. – Извините, что побеспокоила вас.

– Вам нет нужды извиняться. Могу я предложить вам что-нибудь выпить? Может, хотите чашку чая?

– Благодарю, но мне...

– Пожалуйста, я настаиваю. Меня это ничуть не затруднит. – Тошио вышел из-за прилавка и призывно произнес через плечо: – Хана? Принесешь нам чай? У нас гостя.

Хана закрыла журнал учета и встала из-за стола, некогда принадлежавшего ее матери. Она знала свои реплики так же хорошо, как и единственную мысль, которая сейчас крутилась в голове их клиентки.

⁷ Добро пожаловать! (яп.) – традиционное приветствие продавца клиенту.

«Чай». В этот момент разговора с отцом все клиенты думали одинаково. В их головах мелькали простые мысли, мелкие и легкие, как воздух, без единого острого края, о который они могли бы порезаться. Каждому доводилось пить раньше чай, и все они помнили, как он приятно смачивает их языки и проскальзывает внутрь, согревая горло и успокаивая душу. От чашки чая не будет никакого вреда, и они не могли даже подумать о какой-то причине для отказа от любезного предложения владельца ломбарда. Во всяком случае, было бы невежливо ответить отказом, когда они сами ошибочно забрели в это заведение. Клиенты в первую очередь старались припомнить, куда, собственно, направлялись, но в основном им вспоминалось ощущение холодной пустоты в животах. Чай мог смягчить его. Возможно, изначально они отстояли длинную очередь именно из-за чая. Наполнив водой чайник, Хана поставила его на плиту.

– Да, чай был бы весьма кстати, – улыбнувшись и кивнув, призналась дама.

– Чудесно. Меня зовут Исикава Тошио, – он жестом показал на напольные подушки, – прошу вас, присаживайтесь.

– Спасибо, – дама опустила на подушку такого же серого оттенка, каким был этот осенний день, – а я Такеда Изуми.

– Благодарю, что заглянули к нам сегодня, Такеда-сама. Вы наверняка сочтете, что в нашем ломбарде делаются весьма справедливые и даже щедрые предложения.

– Но ведь я попала сюда... – Изуми покрутила в пальцах жемчужину своего ожерелья, ее лоб нахмурился, словно она сосредоточенно рылась в ящичках своей памяти, пытаясь найти то, что собиралась сказать.

Хана вынесла чайный набор на черном лакированном подносе.

– Хана, познакомься с Такедой-сама.

– Рады видеть вас в нашем ломбарде, – поклонившись, ответила Хана. – Приятного вам чаепития, – добавила она, поставив поднос на столик.

Когда Хана вышла, Изуми повернулась к Тошио.

– У вас очаровательная дочь, Исикава-сан.

– Благодарю. Она очень похожа на свою... – Тошио не договорил, напряженно улыбаясь.

Устремив взгляд на поднос, он налил чай в мелкие глиняные чашки. Сами чашки сохранили цвет спокойного бирюзового моря, хотя по их глазури протянулось множество трещин. Они могли бы развалиться, если бы их не отреставрировали мастера искусства Кинцуги⁸. Золотая пыль и лак заполняли трещины, змеясь по чашкам подобно молниям.

– У них на редкость изысканный вид, – заметила Изуми, восхитившись чашками.

– Благодарю. Меня сильно огорчало, когда я случайно ронял их, но в данном случае, признаюсь, собственная неловкость доставила мне удовольствие. – Тошио протянул Изуми чашку. – Ведь разбитые вещи, знаете ли, обладают уникальной красотой.

Изуми провела по тонкому золотому шву кончиком идеально ухоженного пальчика.

– Некоторые вещи переносят повреждения лучше других, – произнесла она так тихо, словно опасалась, что от звука ее голоса чашка может развалиться.

– Я находил красоту в самых разных сломанных вещах. Кресла. Здания. Люди.

– Люди? – Изуми подняла взгляд от чая.

– Особенно люди. Они разбиваются самыми потрясающими способами. За каждой морщинкой, царапиной и ранкой скрывается своя история. Незримые шрамы прячут самые глубокие раны, и они наиболее интересны.

⁸ Кинцуги (яп. ###, «золотая заплатка»), или кинцукурой (яп. ###, «золотой ремонт») – японское искусство реставрации керамических изделий с помощью лака, полученного из сока лакового дерева уруси, смешанного с золотым, серебряным или платиновым порошком. Философская основа искусства кинцуги заключается прежде всего в том, что поломки и трещины неотделимы от истории объекта и поэтому не заслуживают забвения и маскировки.

Изуми покрутила одно из двух колец с большими бриллиантами, подталкивая его к основанию пальца.

– У вас, Исикава-сан, на редкость своеобразная точка зрения.

– О, это далеко не просто точка зрения. Именно по этой причине я открыл наше заведение. У нас особый тип ломбарда, Такеда-сама. Мы не торгуем безделушками. Кольца с бриллиантами и жемчужные ожерелья не имеют ценности для нас.

Из задней комнаты Хана слышала разговор отца с Изуми. Она уже сбилась со счета, сколько раз слышала подобные разговоры за чашкой чая.

Но сколько бы раз отец ни произносил эти слова, голос его всегда звучал искренне. По большей части он говорил своим клиентам правду, независимо от того, насколько трудно им было в это поверить. Хотя, по ее мнению, то, чем он делился с клиентами, никоим образом не было ошеломляющим откровением, обычно они ненадолго впадали в недоумение. И это вполне понятно. Ведь за дверью лапшичной верх был верхом, низ был низом, и никаких ломбардов, подобных этому, не существовало. Такеде Изуми еще предстояло узнать об особом навыке Тошио: за то время, которое потребуется ей, чтобы допить свой чай, он убедит ее отказаться от всего, во что ее учили верить, чтобы позволить ее разуму ухватить идею того, чего она не может коснуться.

Хана вернулась к столу и взяла верхнюю книжку из стопки. Книжку в мягкой обложке с загнутыми уголками, страницы которой держались на честном слове. Клиент по имени Ито Дайсукэ заложил ее утром. Она проверила пункт по списку в журнале и поставила небольшую галочку, убедившись, что все в порядке. Эта книга нравилась ей больше всего среди закладов, нашедших в тот день свой путь в ломбард.

Из ящика письменного стола Хана достала очки своей матери в золотой оправе. Нацепив очки, она пристроила их на носу и, глянув в линзы, увидела, что же на самом деле представляла собой эта книжка: важный выбор, изменивший ход жизни Ито Дайсукэ.

Ее истинный вид был гораздо интереснее, чем просто книга. Вместо страниц у нее были сияющие пушистые перья, которые превратили ее в светящуюся певчую птицу. Пристроившись на пальце Ханы, она переливалась всеми оттенками золота и лазури.

Когда-то эта птица звонко пела в душе Дайсукэ, в течение пяти лет трудившегося над написанием детективного романа каждую ночь после рабочей смены в вечернем магазине. Когда он бросил роман и удалил все незавершенные черновики, сделанные за два года, птица потускнела, умолкла и стала угольно-черной. Она клевала его изнутри, если он опять начинал думать о серии вымышленных убийств в квартале Харадзюку⁹, которые вовсе не собирался раскрывать. Но теперь Дайсукэ заложил свой выбор и стал свободным. Из-за того, что он заложил этот выбор, ему предстояло пережить время холодной пустоты, но оно пройдет. Он не собирался вспоминать этот выбор, или этот ломбард, или человека, уговорившего его расстаться с потрепанным детективным романом. Душевное спокойствие, убедил его Тошио, стоит незнания того, что произойдет после двести пятьдесят четвертой страницы.

Сняв очки, Хана нашла место для книжки Дайсукэ на полке, рядом с набором домашних ключей и разорванным пополам билетом на самолет. Вечером, после закрытия ломбарда, ее отец заберет все сданные за день ценности и спрячет их в хранилище.

Такеда Изуми прищурилась, пытаясь осознать слова, висящие в воздухе над двумя склеенными чашками чая.

– Это не имеет никакого смысла. Как люди могут закладывать свой выбор?

⁹ Харадзюку – квартал, расположенный около станции Харадзюку на линии «Яманотэ» в Сибуре (Токио, Япония), где по воскресеньям встречается молодежь, наряженная в различные костюмы.

– Понятие «смысла» относительно, – возразил Тошио, – некоторые вещи, имеющие смысл в вашем мире, в моем – просто нелепы. Никогда не понимал назначения телевизоров или телефонов.

– Что вы имеете в виду, говоря о «моем мире»?

– Вы пришли из внешнего мира, с той стороны двери. А наш с дочерью мир здесь, по эту сторону. Всякий раз, когда кто-то с вашей стороны попадает в наш ломбард, на то есть веские причины. Наши клиенты имеют выбор, ставший для них слишком обременительным. Мы избавляем их от такого выбора, чтобы они могли с облегчением вернуться в свой мир, став более довольными своей судьбой.

– Это что, шутка?

– Я не стал бы шутить о таких вещах. Мы здесь занимаемся важным делом.

– Не знаю, что у вас тут за игра, но она не кажется мне забавной, – заметила Изуми, схватив свою сумочку.

– Это не игра, и она не предназначена для забавы. Я не могу заставить вас остаться, но знаю, что случайно никто не попадает в наш ломбард. Если бы вы не нуждались в наших услугах, то открыли бы другую дверь и вошли в лапшичную так же, как и все остальные клиенты, ожидающие в очереди снаружи.

Изуми напряженно расправила плечи и вздернула подбородок.

– Если предположить, что ваши слова справедливы – а это не так, – мне все равно не потребуются ваши услуги. Мне вовсе не о чем сожалеть.

– Извините, Такеда-сама, если обидел вас, – Тошио покаянно склонил голову, – но я уже очень давно занимаюсь этой работой. И могу сказать, когда люди счастливы, а когда нет, независимо от того, как хорошо они одеты и как ослепительна их улыбка. Счастье мало связано с тем, что у вас есть, и имеет отношение только к тому, чего у вас нет.

– Вы ничего обо мне не знаете, – покрепче сжав сумочку, заявила Изуми.

– Возможно. Но я знаю то, что я усвоил из коллективного опыта поколений моей семьи, управлявших нашим ломбардом: каждый клиент, переступивший наш порог, настаивал на том, что наткнулся на наше маленькое заведение, потому что заблудился. И они были правы. Сбиться с пути зачастую является единственным способом найти то, что вы, сами того не зная, искали.

– Я прекрасно знаю, что искала сегодня. Лапшу.

– В городе много ресторанов с вкусной лапшой. Почему вы искали именно этот ресторан?

– В молодости я жила в этом районе. И постоянно заходила в эту лапшичную.

– Но с тех пор вы, несомненно, пробовали и более вкусную лапшу?

– Да, конечно, однако...

– Уверен, что женщина вроде вас вполне могла бы позволить себе заведение с более шикарной обстановкой.

Изуми покрутила жемчужное ожерелье, не отрывая глаз от чашки.

– Хотя этот ресторан не похож на любой другой ресторан, верно? – продолжил Тошио.

Изуми отвела взгляд в сторону.

– Не беспокойтесь, Такеда-сама. У меня нет намерения совать нос в чужие дела. Нет нужды. Я и так знаю, почему вы решили сегодня посетить этот ресторан.

Тонкие брови Изуми удивленно взлетели.

– Вы сказали, что в молодости часто бывали здесь. – Тошио ухватился руками за столик. – Люди возвращаются в прошлое, чтобы пережить приятные воспоминания, или отогнать плохие, или и то, и другое.

– Поскольку вы, кажется, думаете, что очень хорошо меня знаете, и не хотите принять мое простое желание съесть лапшу как единственное объяснение моего пребывания здесь, не

могли бы вы поделиться, по какой из упомянутых вами причин я здесь появилась? – спросила Изуми.

– Вы пришли в ресторан поужинать с призраком.

– Это... – у Изуми перехватило дыхание. – Это бред какой-то!

– Разве когда-то вы не ужинали здесь вместе с другом?

– В общем... я... нет. Я собиралась поесть в одиночестве. Предпочитаю приезжать сюда одна. И ужинаю здесь по крайней мере один раз каждую осень.

– Но разве можно ужинать в полном одиночестве? – риторически спросил Тошио. – Наши мысли разделяют с нами наши трапезы. Они составляют нам компанию, приглашаем ли мы их или не приглашаем, причем с особой назойливостью, если общаемся мы за столом только с ними. Они упорно напоминают обо всем, что нам не хочется говорить вслух. В вашем случае, полагаю, они любят напоминать о времени, когда вы были не такой женщиной, какой стали сегодня, о том времени, возможно, когда вы любили делить свой стол в этом ресторане с кем-то еще.

– Прекратите.

– Вы спорите с вашими мыслями и настаиваете на том, что они неправильные, но они продолжают крутиться в вашей голове, а ваша лапша остывает. Но это не мешает вам при случае возвращаться сюда, потому что здешняя тарелка холодной лапши по-прежнему вкуснее любой горячей еды в вашем доме.

– Прекратите. – По бледным щекам Изуми побежали слезы. – Пожалуйста, замолчите.

– Простите. Вы задали мне вопрос, и я ответил на него. Я многого предпочел бы не знать, но, проведя жизнь в этом ломбарде, научился читать истории своих клиентов, как будто они написаны на их лицах.

– Я не ваша клиентка. – Изуми утерла слезы.

– Вы правы, – Тошио сплел пальцы, – я и сам еще не решил, имеет ли хоть какую-то ценность то, что вы хотели бы заложить.

– Довольно. Меня утомили ваши игры. – И вновь глаза ее наполнились слезами. – Кто вы?

– Просто человек, способный предложить уникальную услугу тем, кому она требуется. Человек, способный понять, что ваши слезы вызваны не грустью, а гневом. Но не на меня. Вы хотели бы свалить его на меня, но не получится. Вы злились еще до того, как ступили в наш ломбард.

– Разумеется, я злилась. – От раздражения ее шея покраснела, и Изуми сердито глянула на Тошио. – Я ненавижу то, что у меня есть все, чтобы быть счастливой, и все же я чувствую, как внутри меня расползаются трещины каждый раз, когда я заставляю себя улыбаться. Это то, что вы хотели от меня услышать? Это то, что вы хотите, чтобы я заложила? Разбитая улыбка, склеенная, как одна из ваших чайных чашек, золотым лаком? Потому что, если вы возьмете ее, я отдам ее вам прямо сейчас.

– Итак... вы верите тому, что я рассказал вам о ломбарде?

– Докажите. Заставьте меня поверить.

– Отлично. Покажите мне свой выбор, и я скажу, чего он стоит.

– Показать? Как? Выбор – это не то, что вы держите в кармане или сумочке.

– Такеда-сама, вы таскаете с собой по жизни все принятые вами решения. Этот выбор не отличается от других, – сказал Тошио, – и, на мой взгляд, вы уже точно знаете, в чем он может воплотиться.

Глава Три. Плата за автобусный билет

Компактное зеркальце. Золотой тюбик матовой губной помады. Ключи от дома. Такеда Изуми вдруг осознала, что, копаясь в сумочке, она вынуждена всякий раз распахивать по разным отделениям как минимум три вещи, прежде чем найдет то искомое.

Она отпихнула в сторону ключи. За пакетиком гигиенических салфеток без запаха прятался красный кожаный кошелек с мелочью. Она вытащила его, как обычно, когда собиралась заплатить за любимые сладости в конбини¹⁰ на первом этаже своего дома. Она не слишком-то доверяла себе, а потому не держала дома запаса, предпочитая баловать себя, когда у нее накапливалось достаточно мелочи. В молодости ей легче удавалось поддерживать стройность фигуры, но теперь даже мимолетный взгляд на прилавок с пирожными Имагаваяки¹¹, мимо которого она проходила по дороге в свой цветочный магазин, грозил ей набором лишних килограммов. Все же бывали дни, когда запах этих только что приготовленных блинчиков с начинкой оказывался неотвратимо заманчивым. Больше всего ей нравились пирожные с начинкой из сладкой красной бобовой пасты. В такие дни она оставляла себя без ужина. К счастью, ее муж не возражал против того, чтобы есть в одиночестве. Иногда казалось, что ему это даже нравится.

Если бы у них были дети, все могло бы быть иначе. Изуми представила, как они каждый вечер ужинают вместе в одно и то же время, и их сын вежливо отвечает на вопросы, рассказывая, как прошел его день. А их более словоохотливая дочь, тихо посмеиваясь, рассказывает истории о своих друзьях. Ее муж ел бы молча, кивая иногда, если бы что-то из сказанного казалось ему интересным. Изуми пыталась представить те времена, когда он говорил больше, но после тридцати лет брака мысли ее стали менее податливыми, чем раньше. Она не огорчалась. Хорошее воображение требовалось только тем, кто еще жил какими-то мечтами.

Без мечтаний жить проще. Рутину прекрасно заменяет все, чего может не хватать в жизни. Если вы спланировали быт достаточно умело, то он может наполнить смыслом весь ваш день: с того момента, когда вы открыли глаза утром, до той секунды, когда погружаетесь в сон, не оставив времени для мечтаний, похуших желаний или пропылившихся намерений. Изуми почти наслаждалась ежедневным расписанием: она управляла своим маленьким цветочным магазином, вовремя возвращалась домой, чтобы приготовить ужин для Йоши, и заглядывала в конбини для пополнения запаса сладостей в сумочке.

Но сегодня она вытащила из сумки кошелек с мелочью совершенно с другой целью. Станный владелец ломбарда попросил показать выбор, сделанный ею в молодости, и, хотя она не смогла бы облечь его в слова, она сознавала, что он хранится в ее звенящем мелочью кошельке.

Расстегнув молнию, Изуми быстро прикинула, сколько примерно монет скопилось в ее кошельке. Порывшись в нем, она вытащила сумму, равную стоимости проезда на автобусе от дома своего детства до этой лапшичной. И выложила монетки на стол.

Сегодня их не хватило бы для оплаты билета на такую поездку, но в юности она могла бы купить на них автобусный билет, и у нее еще осталась бы мелочь для покупки парочки ее любимых пирожных. К тому же тогда она еще не беспокоилась о своей фигуре. Потому что, в отличие от мужа, Дзюньитиро любил ее, какой бы она ни была. Именно Дзюньитиро склонил

¹⁰ Конбини – маленькие японские магазины. Расположенные практически повсеместно, они работают круглосуточно и предлагают широкий выбор продуктов, включая огромный ассортимент сладостей и легких закусок.

¹¹ Имагаваяки (яп. #####) – популярный японский десерт, известный с периода Эдо, появился в конце XVIII века. Готовился из теста в специальной кастрюле, аналогичной вафельнице, но без сотовой структуры, с начинкой из сладкой бобовой пасты адзуки; с ростом популярности увеличился ассортимент начинок: от сладких кремовых и фруктовых до мясных и овощных с карри и майонезом.

ее к тому, чтобы она стала носить более обтягивающие наряды с тех самых пор, когда они начали встречаться дважды в неделю в лапшичной, где он работал.

Прошло много времени с той поры, как Дзюньитиро покинул этот рестораник, но Изуми посещала его все последующие годы, когда листва на деревьях становилась красно-желтой, а аппетитный пряный запах лапши смешивался с холодным воздухом. Она любила вдыхать его полной грудью, согреваясь воспоминаниями о беспечных улыбках и еще более беспечных разговорах. Сегодня был именно такой осенний день, но на этот раз вместо лапшичной она попала в ломбард.

– Можно? – спросил Тошио, протянув руку к монетам, которые Изуми выложила на стол. Собрав их в горстку, он прикинул на ладони их вес: – Они тяжелее, чем выглядят. Как и большинство выборов. Мне необходимо изучить их более тщательно, чтобы дать вам справедливую цену.

Тошио вытащил из кармана рубашки пару старых очков и нацепил их на нос. Они отличались от очков его жены только цветом оправы: у нее оправа была золотой, а у него – серебряной. В этих очках он становился похож на филина.

– Меня не волнует их цена. Просто возьмите их.

– Боюсь, что так не получится. Если я не дам вам что-то взамен, вы будете вечно задаваться вопросом, что же именно вы оставили позади. – Изучив каждую монету, Тошио задумчиво кивнул. – Понятно, – произнес он более мягким и благожелательным тоном.

– Что вам понятно?

– Почему много лет назад вы не поехали на автобусе и не встретились с Дзюньитиро в этом ресторане, как договорились.

– У меня... не было выбора. – Изуми опустила глаза.

– Тем не менее вот он. – Тошио выложил монеты в ряд на столе.

– У меня...

– Вам нет нужды вдаваться в подробности. Я изучил ваши монеты. Я знаю, почему вы сделали другой выбор.

– Должно быть, вы думаете, что я ужасный человек.

– Я думаю, что вы – клиент, который нуждается в наших услугах. Уверен, что вам стало невмоготу нести груз этого выбора.

– Мой муж добрый и верный человек. Он заслуживает жену, живущую настоящим, а не прошлым.

– Вы любите его?

Изуми уткнулась взглядом в свои руки.

– А он любит вас?

– Люди приучены хотеть любви. Но на самом деле нам нужно лишь, чтобы дома нас кто-то ждал, встречал, когда мы приходим, и провожал до двери, когда уходим.

– Увы, далеко не у всех людей есть даже такая радость. – Губы Тошио тронула странная улыбка, отчего он стал выглядеть более старым и усталым. – На мой взгляд, вы будете очень довольны ценой, которую я дам за ваш выбор. Могу забрать его у вас прямо сейчас, и вы больше никогда не будете осенью тосковать по здешней лапше.

Хана завернула деревянную коробочку в шелковую ткань с весенней расцветкой. Она сама рисовала цветы на шелке, стараясь сделать каждую упакованную коробку уникальной, даже если их содержимое оставалось одинаковым. Ее отец никогда не менял то, что предлагал в обмен на выбор своих клиентов, независимо от их ценности. Каждая коробка содержала одинаковое количество зеленого чая.

Когда она была маленькой, отец придумал для нее игру: он прятал по дому коробки с чаем, оставляя разнообразные подсказки, чтобы облегчить ей поиск спрятанного. В пустые

бутылки из-под саке вкладывались загадки. В сложенных из бумаги лисичках-оригами могли скрываться математические головоломки, или потрескавшаяся ваза вдруг оказывалась на непривычном для нее месте. Нельзя было пропустить ни малейшей перемены. Его простенькая охота за сокровищами развлекала и развивала ее, пока сам он занимался учетом заказов или обхаживал клиентов. Она частенько ловила его на том, что он пытался сдержать улыбку, если его подсказки обманчиво уводили ее с верного пути. Со временем она стала лучше разгадывать головоломки, даже если на первый взгляд они вовсе не казались подсказками. Тошио особенно гордился тем, что умел прятать подсказки на самом виду.

Эти подсказки стали для Ханы первыми уроками в искусстве работы с клиентами. Как и с поиском подсказок, благодаря практике и наметанному взгляду всегда можно было разглядеть правду, которую клиент пытался скрыть, так же ясно, как и каждую черточку на его лице. Но Хана никогда не думала о своих маленьких поисках сокровищ как об уроках. Вместо этого она предпочитала притворяться, что найденные ею коробки были подарками от ее покойной матери, а каждая подсказка содержала тайное послание: «Я люблю тебя, скупаю по тебе, и мы еще увидимся».

Для Такеды Изуми Хана выбрала одну из своих любимых упаковочных тканей. Изуми выглядела так, как могла бы выглядеть в таком возрасте мать Ханы, если бы дожила. Судя по единственной оставшейся фотографии, у Изуми были такие же, как у нее, тонкие губы и такой же овал лица. Но глаза их, естественно, были разными. Хана дважды перевязала шелк, положила чайную коробку на лакированный поднос и направилась в приемную, где ждала Такеда Изуми.

Изуми восхитилась садом, нарисованным на шелковой обертке. Ее губы расплылись в улыбке, хотя она даже не представляла, что может быть внутри.

– Пожалуйста, откройте ее, – сказал Тошио.

Изуми развязала узелок на шелке, позволив ткани развернуться и показать незатейливую деревянную коробку. Она подняла крышку. Из коробки повеяло свежим мягким запахом, смешанным со сладким ароматом засахаренных фруктов. Улыбка Изуми просветлела от приятных запахов и вида этих темно-зеленых листьев. Гёкуро¹². Чай высшего сорта, выращенный на тенистых плантациях. Для его приготовления требуется особое старание, но Изуми с нетерпением предвкушала все тонкие этапы. Время, необходимое для раскрытия ароматов, было достойно роскоши их высвобождения.

– Надеюсь, вам понравится, – сказал Тошио, – таков наш обычный обмен для всех сданных в ломбард предметов.

– Обычный? Тогда зачем вы изучали мой выбор?

– Проверял, стоит ли он такого чая.

– Я могла бы просто купить такой чай сама.

– Могли бы, и его вкус, вероятно, был бы чудесным. Однако это не был бы тот чай, что я предложил вам сейчас. Это не был бы чай, принятый вами в обмен на выбор, что разорвал вашу жизнь надвое. Это не был бы чай, которым вы наконец-то сможете насладиться, не тоскуя о здешнем ресторанчике и не вспоминая того, кто ждал вас там. Возможно, я и отправляю всех моих клиентов домой с таким чаем, но он будет иметь совершенно уникальный вкус для каждого, когда они будут пить его из своих чашек.

– Что вы имеете в виду?

– Не существует двух людей, пожелавших освободиться от одного и того же выбора. Каждый человек имеет свое представление о том, каков для него вкус свободы. Для вас он может

¹² Гёкуро (яп. 煎茶, «драгоценная роса», «жемчужная капля») – японский зеленый чай самой высокой категории, собранный с кустов, закрытых от солнца на три недели.

быть успокаивающим и теплым, как радость созерцания дождя за окном без желания оказаться в другом месте. Для моего следующего клиента вкус может дарить храбрость и смутно-сладкое опьянение.

Изуми закрыла коробку.

– Вы согласны на обмен? – спросил Тошио.

– Эта боль – все, что у меня осталось от Дзюнъитиро. Я жила с ней слишком долго и сомневаюсь, что смогу узнать себя без нее.

– Тогда воспринимайте это как возможность глубже узнать себя.

– Но что, если я передумаю? Что, если захочу вернуть свой выбор?

– У нас ломбард, а не магазин. Если вы захотите вернуть свой выбор, то вам нужно всего лишь вернуть мне плату.

– Хорошо. – Изуми выдохнула, расслабив плечи.

– С процентами.

– Какой процент вы берете за чай?

– Мы поговорим об этом, если вы передумаете, но если вы передумаете, то будете первой.

– Никто из ваших клиентов еще не возвращался за своим выбором?

– Никто, – ответил Тошио. – Если выбор не востребован до конца недели, ломбард оставляет его за собой.

– По-моему, не слишком долгий срок. – Изуми пожевала нижнюю губу.

– А сколько времени вам нужно, чтобы решить, довольны ли вы? Такеда-сама, я ведь не заставляю вас совершать этот обмен. Если у вас есть какие-либо сомнения, вы можете забрать свой выбор и вернуться в лапшичную.

– Но смогу ли я снова найти вас?

– Я не властен над тем, кто заходит в нашу дверь.

– То есть у меня, возможно, есть последний шанс освободиться от этого выбора.

– Да.

– Тогда я возьму ваш чай.

– Уверены?

– Уверена? – С ее губ слетел сухой смешок. – Не думаю, что вообще понимаю теперь значение этого слова. С того момента, как я открыла дверь лапшичной, а попала в ломбард. Я не уверена даже, происходит ли наш разговор в реальности, или мне просто снится странный сон. Пока я знаю лишь то, что не вынесу очередного сожаления. Если это реально, то я здесь не случайно. Мне суждено было встретиться с вами и заключить эту сделку.

– Тогда вы ее заключили. Чай ваш. Наслаждайтесь им на здоровье.

– Что? Вот так просто?

– Да. Именно так. У нас все просто. Вам больше ничего не придется делать. – Тошио собрал монеты Изуми со столика.

– Но я не чувствую в себе никаких перемен.

– Перемены произойдут, когда вы вернетесь в свой мир.

– А что, если это не сработает?

– Такеда-сама, вы же не покупали радиоприемник или часы. Вы совершили простой обмен. В нем нет подвижных деталей, которые могут начать заедать или разваливаться.

– Спасибо. – Изуми аккуратно убрала коробку чая в свою сумочку.

Тошио с улыбкой склонил голову.

Изуми подошла к двери и накрыла ладонью потертую медную ручку. Повернув ее, она слегка приоткрыла дверь, помедлила и обернулась к Тошио.

– Исикава-сан?

– Да?

– Меня так поглотили размышления об избавлении от моего выбора, что я даже не подумала спросить, зачем вам это нужно. Зачем вы собираете выборы? Или чем они могут быть вам полезны?

Глава Четыре. Саке и молчание

Хана осушила третью чашку саке, и на ее языке осел медвяный привкус. Она была лучше многих в искусстве выпивать, и отец в полной мере отдавал должное ее умению.

Если бы ее мать была жива или у Тошио были друзья, с которыми он мог бы пойти выпить, традиции их вечерних посиделок могли быть иными. Но Тошио, казалось, совершенно устраивало то, что Хана просто сидела напротив него за столом, составляя ему компанию за чашкой саке, пока его веки не становились настолько тяжелыми, что он уже не мог держать их открытыми. Их вечера заполнялись больше молчаливыми глотками, чем разговорами, но Хана все равно считала это честным обменом. Ожидание продлевало вечер, а она с благодарностью воспринимала все, что могло отдалить приход утра.

Но накануне отставки ее отца даже длительные паузы или медленные глоточки ничуть не помогали оттянуть наступление утреннего часа.

– Хана, – сказал Тошио, поставив на стол завернутую коробку, – это тебе.

– Мне? – Хана рассмотрела коробку. Она узнала в обертке недавно разрисованную ею ткань.

– Небольшой подарок, чтобы отметить следующий этап твоей жизни.

– Спасибо, Ото-сан.

Ее отец отличался практичностью, поэтому Хана не удивилась, что он подарил ей коробку чая из запаса, предназначенного для их клиентов. Воспоминания о детских играх в «поиск сокровищ», которые вызвал этот подарок, восполнили нехватку творческого подхода. Ее отцу не нужно было ничего говорить, чтобы Хана поняла его намерения. Ей все сказали его глаза, слегка затуманенные слезами.

– Помнишь, что я говорю нашим клиентам о таком чае?

– Вкус для каждого человека разный.

– Это правило применимо и к тебе. Ты знаешь этот чай всю свою жизнь, но завтра, выпив свою первую чашку как новая владелица ломбарда, ты можешь удивиться, сколько всего изменится, даже если на первый взгляд все выглядит так же. Как думаешь, готова ли ты к этому?

– Ото-сан, сегодня речь не обо мне. Мы ведь празднуем твой выход на пенсию.

– Концы и начала сходятся в одном и том же моменте времени. Сегодняшний вечер равно важен для тебя и для меня, – сказал он. – Возможно, для тебя даже больше. Могу сказать, что у тебя много чего на уме.

Хана обняла коробку чая, пытаясь найти утешение в прохладном шелке.

– Он... – Хана отвернулась, решив держать свои мысли при себе.

– Продолжай.

– Он сделал тебя счастливым?

– Что именно?

– Этот ломбард.

– Ясно, – медленно кивнув, Тошио подлил саке в свою чашку. – Завтра ломбард перейдет под твою ответственность, и ты опасаясь, что он сделает тебя такой же несчастной, каким, в твоём понимании, он сделал меня.

– Нет... нет... Ото-сан, я другое имела в виду. – Щеки Ханы вспыхнули румянцем. – Я этого не говорила.

– Когда это нам требовались слова, чтобы сказать друг другу о наших чувствах? Я не передал бы тебе ломбард, если бы ты не усвоила этот урок. Мы потеряли бы половину нашего бизнеса, если бы не слышали все те слова, что наши клиенты не произносят вслух.

Тошио помолчал немного и продолжил:

– Хана, у тебя есть дар понимать наших клиентов. Ты можешь понимать их почти так же хорошо, как понимаешь меня. Моя работа здесь никоим образом не связана со счастьем. Мы оба знаем, для чего на самом деле предназначен ломбард и какую услугу мы в действительности предоставляем.

– Ото-сан, ты когда-нибудь завидовал им? – Хана пристально взглянула на свое отражение в окне.

– Кому завидовал?

– Нашим клиентам. Я знаю, что не должна, но порой я...

Тошио со стуком поставил чашку саке на стол.

– Мне напомнить тебе о том, что случилось с твоей мамой?

– Она украла выбор из хранилища. – С трудом сглотнув, Хана опустила голову.

– И... – Тошио приподнял подбородок Ханы, заставив ее встретиться с ним глазами.

– И заплатила за свое преступление жизнью.

Тошио положил руки на стол и громко вздохнул. Когда он снова заговорил, его тон стал таким мягким, какой он использовал лишь для наиболее озабоченных клиентов.

– Понимаю, что ты не хочешь такой жизни. Никогда не хотела. Это самая жестокая из наших обязанностей, но также и самая важная.

– Знаю, Ото-сан. Я знаю.

– Твоя мать заслуживала лучшего мужа, а ты – лучшего отца. Но я старался управлять этим ломбардом как можно лучше и пытался тому же научить тебя. Это все, что я знаю и могу дать тебе. Я подвел твою мать самым ужасным образом, но надеюсь, что тебя мне удалось обучить лучше.

Тошио вздохнул.

– Завтра этот ломбард станет твоим, а значит, и все его правила, и ответственность. Хана, я не всегда буду рядом, чтобы защитить тебя. Обещай мне, что не повторишь ошибку своей матери. Ты можешь забыть все преподанные тебе уроки, но никогда не забывай, что единственный выбор, который нам позволено делать в этом мире, – это выбор между смертью и...

– Судьбой. – Хана опустила голову. – Я не забуду.

Хана, пошатываясь, забралась в постель, голова у нее кружилась. Она не понимала, виноваты ли в том саке или ошеломившие ее слова отца. Было трудно решить, звучало ли сказанное им как предостережение или как своего рода прощальное напутствие. С первым Хана была знакома глубже большинства людей. Призрак ее матери жил в каждой комнате их дома, напоминая Хане о том, что случалось с теми, кто нарушал самое важное правило ломбарда: забывать.

Тошио научил Хану произносить это слово раньше всех, заставляя повторять его как молитву, когда утром они открывали ломбард и когда запирали его на ночь. Как только залогов попадали в их хранилище, Хана должна была полностью вытеснить их из памяти. Неважно, насколько они были яркими, красивыми или захватывающими.

Новые владельцы, которые приходили каждое новолуние, чтобы забрать выборы клиентов, не хотели делиться этими драгоценными находками. По мнению Ханы, именно поэтому ее отец скрыл вход в хранилище за книжными полками в задней комнате ломбарда. Блуждающие мысли являлись самыми хитрыми из воров, и Хане никогда не позволялось забывать, какими могут быть последствия размышлений о выборах, которые никогда не могли бы стать ее собственными. Но если предостережения не таили для нее ничего нового, то с опытом прощания ей довелось столкнуться впервые. Ее отец был таким же постоянным явлением, как луна, за исключением одного тихого утра.

Прошло восемь месяцев с тех пор, как Хана нашла Тошио у подножия лестницы, где он лежал после сердечного приступа. Тот образ оставался запечатленным в ее памяти. Его она видела перед тем, как заснуть, и он же первым приветствовал ее после пробуждения. Сердце

Тошио так полностью и не восстановилось. Так же, как и сердце Ханы. Ее грудь сжимал страх, когда он выглядел уставшим или начинал задыхался. Поэтому, когда в первый день его выхода на пенсию Хана проснулась, услышав лишь шум собственных мыслей, то сразу вообразила худшее. Она поспешила в его спальню, забыв даже обуть тапочки.

Дверь была приоткрыта.

– Ото-сан? – Хана заглянула внутрь. Перед ней предстала пустая кровать. Затаив дыхание, Хана бросилась к лестнице.

Лестничная площадка и ступени были пусты. Хана выдохнула. Отец, сказала она себе, вероятно, не меньше, чем она, волновался по поводу ее первого дня в семейном бизнесе и рано спустился вниз, в ломбард. Хана не торопилась спускаться по лестнице, вызывая в воображении образы того, как Тошио проверяет ее записи и их запасы чая.

Это было гораздо более приятным объяснением тишины, накрывшей их дом, чем вторая возможность, которую Хана пыталась выкинуть из головы. Она была слишком мала, чтобы помнить то особенно тихое утро, когда умерла ее мать, но, когда Хана стала достаточно взрослой и понятливой, Тошио в первый и последний раз описал ей день казни ее матери.

Спустившись по лестнице, Хана споткнулась о какую-то маленькую твердую вещь. Раскрытая деревянная чайная коробка без крышки покатила по полу и врезалась в перевернутый письменный стол отца. Бледный поток солнечного света осветил остальной разгром: повсюду валялись журналы учета, перевернутые стулья и осколки стеклянных полок. Хана отшатнулась назад и упала, наткнувшись на ступеньку – копчик обожгло жаром.

подавив вопль, Хана с трудом встала. Ее взгляд скользнул по разграбленному ломбарду и остановился на солнечных лучах, падавших на пол из широко открытой входной двери.

Глава Пять. Хранилище

Никто в очереди, стоявшей за покрытой темными пятнами входной деревянной дверью, не имел понятия, о чем их спрашивали. В то время как другим дверям надлежало впускать и выпускать народ, на эту дверь, стоящую между голодной толпой и ломбардом, который большинству из них не суждено даже увидеть, возлагалась гораздо большая ответственность.

Насколько Хане было известно, эта дверь была единственной в истории дверью, построенной для защиты целого мира. И теперь она была распахнута настежь, позволяя рассвету другого мира проникнуть в дом Ханы.

Она бросилась к двери, не обращая внимания на перевернутые полки и осколки стекла. Захлопнув дверь, Хана привалилась к ней, чувствуя, как кровь бешено пульсирует в висках, сползла на пол и, прижав колени к груди, обхватила их руками.

Ее внимание привлек золотой отблеск совсем рядом. Ахнув, она дотянулась до блестящей вещицы. Ее пальцы мгновенно узнали очертания и вес предмета.

Подняв старые очки матери, Хана проверила, целы ли они. Казалось почти чудом, что, возможно, самая хрупкая вещь во всем ломбарде проделала весь путь от закрытого ящика ее письменного стола к входной двери, оставшись целой и невредимой. Хана могла только надеяться, что найдет своего отца таким же.

Со страхом думая о том, как чужак вломился в ломбард и разграбил его, она поняла, что еще страшнее представить, что могло случиться, когда с ним столкнулся Тошио. Как бы отчаянно она ни пыталась, ей не удалось убедить себя в том, что ее отец знал разницу между храбростью и глупостью. Вскочив с пола, Хана побежала к единственному месту в ломбарде, которое могло бы защитить его.

Деревья цубо-нивы¹³ шелестели на ветерке за задней дверью ломбарда. Больше всего в доме Хана любила маленький сад во дворе, где в прудике с карпами кои ясными ночами плавала луна.

Но луна поднимется только к вечеру, и Хана направилась не к саду, а к книжному шкафу возле задней двери ломбарда. Проведя пальцами по боковой стенке шкафа, Хана нащупала выемку, нажала на нее и отступила назад. Книжный шкаф отъехал в сторону, и за ним обнаружилась крепкая каменная стена. Хана нацепила очки своей матери. Перед ее взором появилась толстая деревянная дверь, из-за которой доносился приглушенный птичий хор, маня Хану зайти внутрь.

В хранилище Хана бывала редко. Отец взял на себя исключительную ответственность за хранение их приобретений. Если бы ему грозила опасность, то – как подумала Хана – он мог бы найти убежище именно здесь.

Хранилище можно было увидеть только через очки Тошио или ее матери, и оно имело способность расширяться и сокращаться по мере необходимости. Три осени назад оно расширилось, став в три раза больше самого ломбарда. А одним долгим летом оно стало меньше ее комнаты. Там заложенные выборы сидели на насестах в подвешенных к потолку деревянных клетках, помеченных этикетками, и пели одну и ту же неизменную песню. В детстве ей казалось, что это самая красивая песня в мире. Позже она поняла, что и самая грустная. Это была песня прощания с владельцами, которые оставили их, и теперь, зайдя в хранилище в поисках Тошио, Хана не могла избавиться от ощущения, что они поют также и для него.

¹³ Деревья внутреннего сада, появились в Японии в VIII–IX веках, когда обустроивались сады между разными строениями дворцов и особняков аристократии, а также внутренние садики в частных домах и большие публичные парки.

Вокруг пестрело более сотни ярких птиц, пульсирующих светом в ритме их песни. Хана не стала сегодня задерживаться и слушать их. По ее лицу скользили пляшущие тени, когда она пробегала между рядами клеток.

– Ото-сан?

Яростный щебет заглушал ее голос. Оперение птиц стало ярче, освещая все пространство хранилища. Взгляд Ханы метался по помещению: Тошио не было. Ноги Ханы стали ватными; лишенная сил, она опустилась на колени. Ей в голень врезался кусок дерева, и Хана глянула вниз. Пол усеивали части разбитой птичьей клетки, а хранившийся в ней выбор исчез. Рядом со сломанным насестом валялись смятая этикетка и расписанная вручную игральная карта. Хана схватила их.

Карта была из отцовской колоды Ханафуда¹⁴ и изображала полную луну на красно-черном фоне. Хана задумчиво нахмурилась, задаваясь вопросом, как она попала внутрь хранилища. Она отложила карту и разгладила на колене смятую этикетку, сорванную со сломанной клетки: на ней изящным каллиграфическим почерком отца было выведено имя предыдущего владельца пропавшего выбора.

¹⁴ Ханафуда (яп. 花札, «цветочные карты») – разновидность колоды игральных карт японского происхождения, используемая для нескольких игр. Простая колода включает 48 карт: 12 мастей по 4 карты. Особые колоды имеют две или три дополнительные масти, доводя общее число карт до 56–60.

Глава Шесть. Выбор Такеды Изуми

Вчера вечером

Певчая птица, опустившись на палец Тошио, развернула свои светящиеся крылышки. Тошио поднес птичку ближе к лицу, восхищенно разглядывая ее через очки.

– Такой выбор нечасто случается, Хана. Посмотри.

Хана отвела в сторону птичью клетку, подготовленную для приема новой обитательницы, и нацепила очки своей матери. Монеты Такеды Изуми мерцали, приняв форму птицы, сотканной из яркого синего света. Их сияние могло бы соперничать с ночными звездами.

– Я... я никогда не видела ничего подобного.

– Я видел.

– Когда?

– Однажды. До того, как ты родилась. Вот уж не думал, что когда-нибудь снова увижу такое сияние.

Хана, прищурившись, разглядывала птицу.

– Почему она такая яркая?

Тошио осторожно пересадил птицу в клетку.

– Выбор испускает свет всех заключавшихся в нем возможностей. Большинство выборов в лучшем случае порождает несколько слабых волн. Но этот выбор, если бы его не отринули, послал бы во все стороны сильнейшие и высочайшие волны.

– Интересно, представляла ли Такеда-сама хоть приблизительно, что могла бы иметь. – Хана передала Тошио пустую этикетку.

– Наши клиенты зачастую видят только то, что маячит прямо у них под носом. А некоторые не замечают даже этого.

Тошио погрузил кисточку в горшочек с краской и быстрыми уверенными мазками написал имя Такеда Изуми на этикетке.

– Возможно, так даже лучше. – Хана продела красную веревочку в отверстие бирки и привязала ее к клетке.

Птица, пронзительно вереща, суматошно металась по своему новому дому.

– Тише. Тише. – Хана коснулась задвижки на дверце клетки.

– Не надо. – Тошио перехватил ее запястье.

– Но ведь ни одна птица никогда так себя не вела. Неужели ей так больно? Может, я попытаюсь успокоить...

– Нет.

Птица яростно клевала прутья клетки, пытаясь разбить решетку.

– Никогда не вытаскивай птицу из клетки. Ты же знаешь это.

– Я буду осторожна. Она не вылетит.

– Так и я говорил в детстве, – Тошио покачал головой, – пока птица не вылетела из моих рук.

– Ты... – во рту у Ханы вдруг пересохло, – ты потерял птицу?

– Мой отец поймал ее до того, как она достигла двери. Если бы не он... – Он зажмурился, его нижняя губа задрожала.

– Что могло бы случиться, Ото-сан? – Хана склонилась к отцу, понизив голос.

– Она могла бы улететь обратно – к тому моменту, когда сделали выбор.

– Улететь обратно? – Глаза Ханы округлились. – В прошлое?

– Птица, вкусившая свободу, сделает все возможное, чтобы вырваться из ловушки. Она способна повернуть вспять само время и изменить судьбу.

– Но это означало бы, что...

– Все с той стороны двери могло бы измениться. Любые мелочи, серьезные повороты судьбы. Обрели бы новые смыслы забытые истории, а потерянные любовники могли бы вновь встретиться. Тогда непройденный путь и все его разветвляющиеся дороги привели бы владельца выбора совсем к другой жизни.

– Она стала бы лучше или хуже, чем их прежняя жизнь? – спросила Хана.

– Разве это важно? – Тошио взглянул на дочь. – Неужели я ничему не научил тебя? Если ты потеряешь птицу, то наименьшей из твоих забот будет то, какую жизнь обретет твой клиент.

Он отвернулся, покачивая головой.

– Иди. Отнеси клетку в хранилище.

– Я? – Хана вскинула голову.

– Завтра ломбард перейдет под твою ответственность. Можешь приступить прямо сейчас.

Хана кивнула и понесла клетку к книжному шкафу, за которым скрывался вход в хранилище. Она нажала выемку на его боковой стенке.

– Хана?

– Что, Ото-сан? – Она оглянулась.

– Новолуние будет через три дня, – Тошио понизил голос, – к приходу Шиикун¹⁵ за птицами все должно быть в порядке.

Пальцы Ханы замерли на краю книжного шкафа. Имя Шиикун они нечасто произносили вслух. И хотя отец едва прошептал его, этого было достаточно, чтобы испортить воздух воспоминаниями о гнили, наполнявшей их дом, когда приходили Шиикун. Их кимоно и тусклые белые маски Но¹⁶ не скрывали исходящего от них запаха ржавчины и гниющей плоти. Хана зажала рот, пытаясь побороть приступ тошноты.

¹⁵ Шиикун – с японского переводится как «смотритель» (в зоопарке или аквариуме), «хранитель», «привратник», «сотрудник по разведению».

¹⁶ Маски японского театра Но – это важный и отличительный элемент театра, который придает облику персонажей особую таинственность и превращает их в живых духов. Существует много различных типов масок Но. По размеру одни из них несколько меньше человеческого лица, другие несколько больше. Их вырезают из тщательно отобранного легкого дерева, а затем раскрашивают и покрывают специальным лаком. Техника изготовления масок очень сложна и требует искусного мастерства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.